

Мое пионерское лето

Весной 1945 года, вскоре после того как я окончил шестой класс 5-й мужской средней школы Василеостровского района Ленинграда, отец неожиданно сообщил, что лето мне предстоит провести в пионерлагере. Тогда я впервые услышал незнакомое название будущего места летнего отдыха. Речь шла о Куоккале (с 1948 г. Репино. - Ред.) на недавно присоединенном Карельском перешейке. Так я оказался в пионерлагере № 25.

На берегу Финского залива в Оллиле (ныне Солнечное). Никита Благово - третий слева. Фото конца 1940-х гг. Из архива автора

Началась довольно монотонная жизнь, регламентированная неизменным режимом: подъем, зарядка, умывание, завтрак и... уборка территории. Эта процедура с каждым днем становилась все более нудной и бессмысленной. Мы собирали упавшие на землю шишечки, веточки, листочки, потом чуть ли не каждую хвойную иголку.

Территорию лагеря, конечно, покидать запрещалось, но, слава богу, ее не окружала колючая проволока, а в заборчике нетрудно было найти прореху. Поголовного надзора тоже не было. Поэтому все чаще мне и моему товарищу Игорю Попченкову удавалось выбраться за пределы лагеря для знакомства с

окрестностями. И мы сразу наткнулись на следы военных действий, прокатившихся по этим местам летом 1944 года...

Первое, что нас поразило, - это два больших орудия на огромных колесах, стоявшие на том месте у поворота шоссе, где сейчас находится памятник Илье Репину. Штурвалы управления вращались, стволы поднимались и опускались.

Надо сказать, что следов войны в окрестных лесах было великое множество. Каски, карабины, винтовки, патроны, гранаты, мины, снаряды попадались часто... Дети той поры, как правило, неплохо разбирались в устройстве основных видов отечественного и вражеского вооружения, большинство обращались с ним аккуратно, хотя, увы, немало и погибли в результате непродуманных действий.

Забавой детей войны были так называемые «макаронины». Это прозвище получили длинные черные пороховые стержни, полые внутри, которыми наполнялись гильзы снарядов. Если внутреннее отверстие «макаронины» с одной стороны закрыть, а с другой поджечь, то возникало реактивное действие и мини-ракета эффектно устремлялась ввысь...

Объектом, привлечшим наше особое внимание в ближайших окрестностях, была могила воина, увенчанная небольшим деревянным обелиском со звездочкой. За ней никто не ухаживал. Лишь мы изредка выпалывали сорняки и клали букетик полевых цветов. Когда я несколько лет тому назад посетил это скорбное место, то никаких следов захоронения уже не обнаружил. Фамилию погибшего, написанную на табличке, память, увы, не сохранила.

А когда однажды мы, выйдя из пионерского лагеря, пошли лесом вдоль склона, вдруг увидели непонятное сооружение в виде деревянной довольно высокой башни (это строение в усадьбе Ильи Репина называлось «Башня Шехерезады». - Ред.), к подножью которой вели полусгнившие ступени. Далее проглядывался небольшой сплошь покрытый ряской прудик и, наконец, открытое пространство, среди которого виднелись следы пожара. Затем увидели небольшой могильный холмик, окруженный низенькой оградкой, и венчающий его памятник. Это была могила Ильи Репина. Вот так мы познакомились с разрушенными войной «Пенатами», очень сожалели о гибели знаменитой усадьбы и никак не могли тогда себе представить, что она будет возрождена...

Слева от дорожки, ведущей на пляж, в нескольких одноэтажных строениях располагался лагерь немецких военнопленных. Загорелые, обнаженные по пояс, в большинстве худощавые, они под присмотром охраны ремонтировали шоссе, тогда гравийное, засыпая ямки песком. Некоторые из них просили у нас хлеба.

Вид у них был не воинственный, не враждебный, а, скорее, жалкий. Мы не раз приносили им ломтики хлеба, они в ответ пытались вручить что-нибудь - осколок зеркала, огрызок карандаша и т. п. Несмотря на то что мой любимый дядя погиб

под Харьковом в 1943 году, заслужив за свой подвиг орден Красной Звезды, ненависти к плененным врагам я не испытывал...

Однажды мы решили произвести дальнюю разведку - пошли по дороге в сторону, противоположную заливу. Сразу после пересечения железнодорожного полотна слева показались столбы с натянутой между ними колючей проволокой, местами поваленные. Как я потом уже понял, там во время войны, по-видимому, был лагерь советских военнопленных.

Довольно долго мы шли, окруженные красивым лесом, и уже собрались повернуть обратно, как вдруг впереди заметили контуры строения. Ускорили движение и оказались на краю небольшого поселка, над одноэтажными домиками которого возвышалась квадратная башенка с четырехскатной крышей. Как оказалось, мы добрались до деревни Хаапала (с 1948 г. Ленинское. - Ред.).

Одно из ближайших зданий напоминало сарай, створки входных ворот были полуоткрыты. Мы осторожно заглянули. Большая часть помещения была занята какими-то ящиками, некоторые из них были без крышек, на полу валялись какие-то круглые жестяные банки, похожие на консервные, только больше по размеру. В их предназначении мы довольно быстро разобрались. И тогда созрел дерзкий план.

На следующий день, тоже солнечный и жаркий, вскоре после того, как в пионерлагере опять объявили уборку территории, воздушное пространство стали заволакивать клубы густого дыма. Всеобщий переполох, крики вожатых, беспорядочные команды, наконец, к всеобщей радости, последовало распоряжение об отправке всех на пляж. Пожара не было, ущерба, если не считать сорванной уборки территории, лагерь не понес. Виновников происшествия (а это были мы, как уже, наверное, догадался читатель), незаметно задействовавших дымовые шашки, принесенные с того склада, администрации пионерского лагеря найти не удалось...

Впоследствии, когда я стал заниматься спортивным туризмом, а затем и спортивным ориентированием, посетил множество близких и дальних мест столь любимшегося мне в детстве и юности Карельского перешейка. С нарастающей грустью приходилось наблюдать гибель чудесных домиков и усадеб финского времени, оскудение и запустение когда-то ухоженных лесов и озер, появление огромных, хотя и нужных людям, садоводств, которые, словно лишаи, легли на пространство маленькой полоски земли между Финским заливом и Ладожским озером, стремительных магистралей и трасс газопроводов, отобравших у природы многое... Увы, от былой прелести и уюта подчас не оставалось и следа.